

Академия Стихий: запретная пустота

Данна Леднива

Данна Леднива

**Академия стихий:
запретная пустота**

«Автор»

2026

Леднива Д.

Академия стихий: запретная пустота / Д. Леднива — «Автор», 2026

Кира Вэйн не должна была поступать в Академию Стихий. Её магия — Пустота — запрещена законом империи и карается смертью, а её настоящее имя скрыто под чужой личностью. Но когда проклятие начинает убивать младшую сестру, Кира готова на всё: лгать каждый день, жить среди врагов и молиться, чтобы никто не увидел то, что прячется у неё под рёбрами. Дариэн Солл — наследник дома Огня, лучшего боевого мага курса, — не должен был обращать на неё внимание. Но одно случайное прикосновение пробуждает между ними Резонанс — древнюю связь, которая заставляет их чувствовать боль друг друга и не позволяет разойтись дальше ста метров. Когда кто-то начинает разрушать Печать Основания академии изнутри, Кира и Дариэн вынуждены действовать вместе. Но чем ближе они становятся, тем труднее понять: то, что между ними, — настоящая привязанность или просто магия, которая не оставляет им выбора? И что страшнее — разоблачение или осознание, что ты не заслуживаешь того, кто протягивает тебе руку?

© Леднива Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Та, кого не ждали	5
Глава 2. Пепел на языке	12
Глава 3. То, что горит внутри	21
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Данна Леднива

Академия стихий: запретная пустота

Глава 1. Та, кого не ждали

Дорожная пыль въелась в складки плаща так глубоко, что Кира уже не пыталась её стряхнуть — просто тянула ткань ближе к горлу, пряча подбородок от холодного сентябрьского ветра, который пробирался сквозь ущелье между скалами и нёс с собой запах мокрого камня и далёкого дыма. Ноги гудели после шести часов в трясущемся экипаже, спина затекла от неудобной деревянной скамьи, а во рту стоял привкус дорожной воды из фляги — тёплой, металлической, отдающей ржавчиной. Она сглотнула, пытаясь избавиться от этого привкуса, и уставилась вперёд, туда, где из утреннего тумана медленно проступали очертания Академии Стихий.

Здание выросло из скалы, словно кто-то гигантский вырезал его из живого камня тысячу лет назад и оставил здесь, на краю мира, чтобы оно сторожило перевал между двумя горными хребтами. Башни тянулись к небу, остроконечные и тёмные, с узкими бойницами окон, из которых уже сочился тёплый золотистый свет — кто-то внутри зажигал магические светильники, готовясь к новому учебному году. Между башнями натянуты были тонкие каменные мосты, и по ним уже скользили силуэты студентов в мантиях разных цветов: синие, зелёные, серебристые, и лишь несколько — багрово-красные, цвета дома Огня. Кира сжала пальцы на лямке дорожной сумки так сильно, что костяшки побелели под тонкой кожей перчаток.

Не смотри вверх. Смотри под ноги. Ты — Мира Тонн, дочь торговца тканями из южных провинций. У тебя обычная магия, обычная семья, обычная жизнь. Повторяй это, пока сама не согласишься.

Экипаж остановился у подножия широкой лестницы, вырубленной прямо в скальной породе. Кира выбралась наружу, и колени тут же подогнулись от затёкших мышц — она ухватилась за дверцу, чтобы не упасть, и простояла так несколько секунд, дожидаясь, пока кровь снова разбежится по онемевшим ногам. Вокруг неё уже суеились другие прибывшие: кто-то выгружал сундуки, кто-то обнимался с друзьями после летней разлуки, кто-то просто стоял и смотрел на академию с тем благоговейным восторгом, который Кира не могла себе позволить. Восторг требовал безопасности, а безопасность была роскошью, доступной только тем, кто не прятал в груди магию, за которую казнили без суда и следствия.

Она подхватила свою сумку — единственную, потому что у Миры Тонн не было средств на сундуки и слуг, — и шагнула к лестнице. Ступени были холодными и влажными от утреннего тумана, подошвы ботинок скользили по мокрому камню, и Кира считала шаги, чтобы не думать о том, что ждёт её впереди. Тридцать ступеней. Пятьдесят. Семьдесят. На сотой она остановилась, чтобы перевести дыхание, и оглянулась назад: внизу расстилалась долина, укрытая туманным одеялом, из которого торчали лишь верхушки дальних елей, и где-то там, за тремя перевалами и двумя днями пути, лежала маленькая деревня, в которой на узкой кровати под стёганным одеялом лежала её сестра. Элиза. Шестнадцать лет. Проклятие Пустоты, перешедшее по наследству от матери, медленно выжигало её изнутри, превращая кожу в полупрозрачный пергамент, а дыхание — в прерывистый свист, который Кира слышала в кошмарах каждую ночь.

Я найду способ. В архивах академии есть всё, что когда-либо было написано о Пустоте. Я найду способ снять проклятие, даже если для этого придётся лгать каждый день до конца своей жизни.

Кира отвернулась от долины и продолжила подъём, вкладывая в каждый шаг ту упрямую, тупую решимость, которая держала её на ногах последние три месяца — с того самого дня, когда целитель в деревне покачал головой и сказал, что Элизе осталось не больше года.

Великий зал Академии Стихий оказался именно таким, каким Кира его представляла по книгам и рассказам случайных путешественников, — и одновременно совершенно иным. Потолок терялся где-то в недостижимой высоте, среди переплетений каменных рёбер и магических нитей, которые светились мягким пульсирующим светом, имитируя звёздное небо. Стены были выложены тёмным полированным камнем, в котором отражались сотни магических светильников, подвешенных на невидимых нитях, и от этого казалось, что зал наполнен парящими огнями, не привязанными ни к чему материальному. Воздух пах воском, старым деревом и чем-то неуловимо пряным — возможно, благовониями, которые курились в массивных чашах у стен, наполняя пространство густым, чуть дурманящим ароматом.

Студенты уже заполняли большую часть зала, сбиваясь в группы по цветам факультетов: синие мантии Воды стояли у левой стены, серебристые плащи Воздуха — у правой, зелёные накидки Земли — в дальнем углу, и лишь багровые фигуры Огня занимали центр, словно им принадлежало всё пространство по праву рождения. Кира вошла последней, проскользнув через боковую дверь, и тут же почувствовала на себе несколько любопытных взглядов — опоздавших не любили нигде, но в академии, где церемонии начинались с точностью до секунды, опоздание было сродни оскорблению.

Она нашла свободное место у самой стены, между колонной и группой студентов в зелёных накидках, и встала, прижав сумку к бедру. Сердце колотилось где-то в горле, но лицо оставалось неподвижным — Кира научилась этому за три месяца пути, когда каждый встречный мог оказаться соглядатаем Ордена Чистоты, ищущим носителей запрещённых стихий. *Дыши ровно. Не озирайся. Ты просто ещё одна первокурсница, которая заблудилась в коридорах.*

На возвышении в дальнем конце зала стоял постамент, а на нём — артефакт-распределитель: шар из тёмного хрусталя размером с человеческую голову, внутри которого медленно вращались четыре разноцветных спирали — синяя, зелёная, серебристая и багровая. Когда студент касался шара ладонью, одна из спиралей вспыхивала ярче остальных, и зал озарялся соответствующим цветом, объявляя факультет. Кира смотрела, как один за другим первокурсники поднимаются на возвышение, кладут руки на шар и получают свой цвет. Синий. Зелёный. Серебристый. Снова синий. Каждый раз зал встречал результат аплодисментами или одобрительным гулом, и каждый раз Кира чувствовала, как внутри неё сжимается тугая пружина страха.

Что покажет шар, когда я коснусь его? Пустота не имеет цвета. Пустота — это отсутствие цвета, отсутствие стихии, дыра в ткани мира. Что он покажет?

Она не знала ответа, и это незнание было хуже любого приговора.

Церемония тянулась бесконечно долго, и Кира считала студентов перед собой, как заключённый считает дни до освобождения. Двадцать три. Двадцать четыре. Двадцать пять. Каждый новый имя, произнесённое церемониймейстером — сухим старичком в серой мантии с длинным списком в руках, — приближало её очередь и одновременно отдаляло надежду на то, что всё пройдёт гладко. Она повторяла про себя легенду: Мира Тонн, дочь торговца, слабая стихия Земли, ничего примечательного, ничего опасного. Если шар покажет что-то странное, она скажет, что артефакт неисправен. Скажет, что волнуется. Скажет что угодно, лишь бы не дать им увидеть то, что пряталось под её рёбрами.

— Мира Тонн!

Имя прозвучало как удар колокола, и Кира вздрогнула, хотя ждала его последние полчаса. Несколько голов повернулись в её сторону — не потому что имя было примечательным,

а потому что она стояла у самой стены, в тени колонны, и её движение привлекло внимание. Кира выпрямила спину, отлепила сумку от бедра и шагнула вперёд, стараясь, чтобы походка была ровной и неторопливой. *Иди как человек, которому нечего скрывать. Иди как та, кем ты не являешься.*

Ступени возвышения были тёплыми под подошвами — камень хранил жар сотен прикосновений, — и Кира поднялась на платформу, чувствуя, как сотни глаз упираются ей в спину. Шар распределителя стоял прямо перед ней, и внутри его медленно вращались четыре спирали, отбрасывая на полированную поверхность постамента цветные блики. Кира протянула руку, и пальцы её дрогнули в сантиметре от гладкой поверхности — она сжала их в кулак, сделала вдох, разжала и положила ладонь на хрусталь.

Первую секунду не происходило ничего. Шар был тёплым, почти горячим, и под ладонью Кира чувствовала лёгкую вибрацию, как будто внутри механизма что-то просыпалось, потягивалось, принюхивалось к ней. Потом вибрация усилилась, и четыре спирали внутри шара замерли одновременно — все четыре, разом, как будто кто-то остановил время внутри хрусталя. Зал, который до этого гудел приглушённым шёпотом и шарканьем ног, затих — не мгновенно, а постепенно, волной, от первых рядов к последним, пока не осталось только эхо шагов где-то у входа.

А потом шар потемнел.

Не вспыхнул синим, не озарился зелёным, не засиял серебристым или багровым. Он потемнел, как будто кто-то выкачал из него весь свет, и четыре спирали внутри сжались в одну точку — маленькую, чёрную, пульсирующую, как далёкая звезда на ночном небе, видимая только тому, кто знает, куда смотреть. По поверхности хрусталя побежали тонкие трещины, не физические, а световые — тёмные прожилки, расходящиеся от ладони Киры во все стороны, как корни мёртвого дерева.

Кира отдёргнула руку так резко, словно обожглась, и отступила на шаг, врезавшись спиной в колонну позади постамента. Шар продолжал пульсировать чёрным светом — если это вообще можно было назвать светом, — и трещины на его поверхности расползались всё шире, грозя расколоть артефакт на части. В зале кто-то ахнул. Потом ещё кто-то. Шёпот вспыхнул, как сухой хворост от одной искры, и понёсся от ряда к ряду, множась и искажаясь: «Что это было?», «Она сломала распределитель?», «Такого не было никогда», «Посмотрите на её руки, посмотрите на её руки!».

Кира смотрела на свои ладони — обычные, бледные, чуть дрожащие, — и не понимала, что они хотят увидеть. Пустота внутри неё сжалась в тугий холодный комок, забилась под рёбра, как загнанный зверь, и Кира прижала руки к груди, словно могла таким образом удерживать её внутри, не дать ей вырваться наружу и показать всем, кто она есть на самом деле.

— Тишина.

Слово было произнесено негромко, но оно разрезало гул зала, как лезвие разрезает шёлк. Кира подняла голову и увидела, как от стола преподавателей, стоявшего вдоль дальней стены, отделилась фигура в тёмно-серой мантии с серебряной отделкой по подолу. Ректор Мэлвин Грейв шёл к возвышению неторопливо, размеренно, и каждый его шаг отдавался в каменном полу глухим, ровным эхом. Он был высок — выше большинства преподавателей, стоявших за его спиной, — и худ, как лезвие меча, с длинными пальцами и узким лицом, на котором выделялись глубокие, тёмные глаза. Волосы его, седые на висках и тёмные на макушке, были зачёсаны назад и открывали высокий лоб, перечёркнутый тонким шрамом от брови до линии роста волос. Он не улыбался, но и не хмурился — его лицо было абсолютно нейтральным, и именно это нейтральное спокойствие пугало Киру больше, чем любой крик.

Ректор поднялся на возвышение, остановился в двух шагах от Киры и посмотрел на шар распределителя, который всё ещё пульсировал чёрным, расходящимся трещинами светом. Он смотрел на него долго — три секунды, пять, семь, — и Кира видела, как его правая рука, скры-

тая в складках мантии, чуть шевельнулась, будто он хотел коснуться артефакта, но передумал. Потом он перевёл взгляд на Киру, и в его тёмных глазах она не увидела ни страха, ни гнева, ни удивления. Только интерес — холодный, расчётливый, как у коллекционера, увидевшего редкий экземпляр.

— Как вас зовут, дитя? — голос ректора был ровным, почти мягким, с лёгкой хрипотцой человека, привыкшего говорить долго и много.

Кира сглотнула, чувствуя, как пересохло горло, и заставила себя произнести чужое имя:

— Мира Тонн, ректор Грейв, из южных провинций.

Ректор наклонил голову набок, рассматривая её так, как рассматривают насекомое под увеличительным стеклом — с любопытством, но без жалости.

— Мира Тонн, — повторил он, словно пробуя имя на вкус, и в его интонации Кире почудилась едва уловимая насмешка, хотя лицо оставалось неподвижным. — Что ж, Мира Тонн, артефакт-распределитель за четыре столетия своей работы впервые выдаёт подобную реакцию, и я не могу допустить, чтобы неисправность механизма повлияла на судьбу студента.

Он повернулся к залу, и его голос, не повышаясь ни на полтона, заполнил всё пространство, как вода заполняет сосуд:

— Церемония распределения для данной студентки будет проведена в индивидуальном порядке, после дополнительной диагностики. А до тех пор... — он снова посмотрел на Киру, и в глубине его тёмных глаз мелькнуло что-то, похожее на улыбку, но не ставшее ею, — ...я зачисляю Миру Тонн на факультет Огня.

В зале взорвался гул. Не шёпот, не перешёптывание — гул, громкий, недоверчивый, возмущённый. Факультет Огня был самым престижным, самым закрытым, самым элитарным, и зачисление на него без распределения, по единоличному решению ректора, было беспрецедентным. Кира видела, как в центре зала, среди багровых мантий, несколько студентов повернулись друг к другу, обмениваясь взглядами, полными недоумения и раздражения. Кто-то из них произнёс достаточно громко, чтобы она услышала: «Какого пепла ректор тащит непонятно кого в наш дом?»

Кира стояла на возвышении, чувствуя, как сотни взглядов впиваются в неё со всех сторон, и не могла пошевелиться. Факультет Огня. Дом Огня. Дом Солл. Дом, чьи люди в огненных плащах пришли ночью в её деревню четырнадцать лет назад и оставили после себя только пепел и крики. Она должна была жить среди них. Спать в их башне. Дышать их воздухом. Каждый день смотреть на их гербы и вспоминать запах гари.

Ты сделаешь это ради Элизы. Ты сделаешь это, потому что в архивах факультета Огня хранятся самые древние записи о Пустоте. Ты сделаешь это, даже если тебе придётся улыбаться тем, кто убил твою семью.

Церемония продолжалась без неё — ректор Грейв спустился с возвышения, бросив через плечо короткое: «Проводите студентку Тонн в башню Огня, комната четыреста двенадцать», — и Кира оказалась предоставлена самой себе. Она спустилась с платформы на ватных ногах, прижимая сумку к груди, и пошла к выходу, чувствуя, как взгляды провожают её, как шёпот тянется за ней невидимой нитью. Никто не преградил ей дорогу, никто не остановил, но она спиной чувствовала чужое внимание — липкое, настороженное, недоброе.

Именно в этот момент, когда она почти достигла боковой двери, ведущей в коридоры башни Огня, Кира увидела его.

Он стоял в третьем ряду багровых мантий, чуть в стороне от основной группы, и не отводил взгляда. Все вокруг него перешёптывались, толкались, оборачивались вслед уходящей Кире, но он стоял неподвижно, как камень в потоке воды, и смотрел прямо на неё. Высокий, с тёмными волосами, коротко стриженными на висках и чуть длиннее на макушке, с резкими скулами и прямым носом, он не был красив в привычном смысле — в его лице было что-

то слишком острое, слишком контролируемое, как у человека, который привык держать каждое выражение под замком. Но глаза — глаза были другими. Тёмные, почти чёрные, с едва заметным отблеском пламени на дне радужки, они смотрели на Киру не с любопытством и не с враждебностью, а с чем-то, что она не смогла назвать. Оценкой. Расчётом. И чем-то ещё, глубже, чего она не успела разглядеть.

Их взгляды встретились.

Три секунды. Кира считала их, как считала ступени на лестнице, как считала дни до конца пути. Одна. Две. Три. На второй секунде в её груди что-то толкнулось — не боль, не страх, а странный, глухой удар изнутри, как будто кто-то постучал в закрытую дверь где-то глубоко под рёбрами. Кира моргнула, и толчок исчез, оставив после себя лёгкое, почти неосязаемое покалывание в кончиках пальцев. На третьей секунде она отвела взгляд, потому что не могла больше смотреть в эти тёмные глаза, не могла выдержать их спокойной, проникающей тяжести.

Она уже почти вышла в дверь, когда услышала голос — тихий, ровный, произнесённый негромко, но так, что слова долетели до неё сквозь шум зала, будто сказаны были прямо ей в ухо:

— Пустота в зале Огня — это либо шутка судьбы, либо её жестокий приговор.

Кира замерла на пороге, пальцы впились в дверной косяк. Она не обернулась. Не могла обернуться. Но знала — чувствовала кожей между лопатками, — что он всё ещё смотрит ей вслед. Потом она шагнула в коридор, и тяжёлая дверь закрылась за её спиной, отсекая гул зала, шёпот, взгляды и этот голос, который уже вцепился в память, как заноза в кожу.

Он сказал «пустота». Он не мог знать. Никто не мог знать. Это просто слово, случайное совпадение, метафора. Но почему от его голоса у меня внутри всё сжалось, как от удара?

Кира прижала ладонь к груди, туда, где три секунды назад толкнулось что-то непонятное, и не нашла ответа. Пустота внутри неё молчала, сжатая, настороженная, но молчала. Кира отняла руку от груди и пошла вперёд по коридору, считая двери и не оглядываясь.

Башня Огня отличалась от остальной академии, как живой очаг отличается от каменной кладки. Стены здесь были сложены из тёмного, почти чёрного камня с прожилками тёмно-красного минерала, который при свете магических светильников отбрасывал на пол тёплые, мерцающие блики, похожие на отсветы настоящего пламени. Воздух был суше и теплее, чем в коридорах главного зала, и пах не воском и благовониями, а чем-то древесным, смолистым, с лёгкой горчинкой дыма, вьёвшейся в камень за столетия. Под потолком, на равных расстояниях друг от друга, висели кованые светильники в форме чаш, из которых вырывались маленькие, живые языки пламени — не магические, а настоящие, питаемые заклинаниями, вложенными в саму конструкцию башни.

Кира поднималась по винтовой лестнице, считая этажи и стараясь не думать о том, что каждый шаг приближает её к комнате четыреста двенадцать. Лестница была узкой, ступени — высокими и стёртыми тысячами ног, и перила под ладонью были тёплыми, почти горячими, как будто внутри камня текла невидимая кровь. На каждом этаже стояли массивные дубовые двери с латунными табличками, и на каждой табличке значились имена — имена студентов, живших здесь годами, поколениями, целыми династиями. Кира видела выгравированные фамилии: Солл, Эшворт, Пайр, Калдвелл — все они были древними, все они были домами Огня, и все они были чужими.

Четвёртый этаж. Коридор с высокими окнами, выходящими на внутреннюю стену академии, и длинным рядом дверей по обеим сторонам. Кира шла медленно, читая номера: четыреста восемь, четыреста десять, четыреста двенадцать. Она остановилась перед дверью, латунная ручка которой была тёплой на ощупь, и достала из кармана ключ, который ей вручил комендант башни — угрюмый мужчина с обожжённым шрамом через всю щёку, не сказавший ни слова, кроме «башня Огня, четвёртый этаж, не теряйте».

Ключ повернулся в замке с мягким щелчком, и дверь открылась внутрь, выпуская в коридор волну тёплого воздуха, пахнувшего деревом и чем-то травяным — возможно, полынью или шалфеем, которые кто-то зажёл здесь незадолго до её прихода. Комната была небольшой, но просторной для одной: узкая кровать с тёмным покрывалом у стены, письменный стол из тёмного дуба с масляной лампой, шкаф для одежды и узкое окно, выходящее на восток, в сторону горных пиков. Всё было чистым, аккуратным, безликим — комната, которая ждала хозяина, но не принадлежала никому.

Кира поставила сумку на пол, стянула плащ и повесила его на крючок у двери. Потом повернулась, чтобы осмотреть комнату ещё раз, и замерла.

На стене напротив кровати, прямо над изголовьем, был выгравирован герб.

Не нарисованный, не вышитый, не наклеенный — выгравированный в самом камне, глубокими, чёткими линиями, которые не стерлись бы ни за сто, ни за тысячу лет. Герб дома Солл: скрещённые клинки, обвитые языками пламени, а над ними — корона из пепла, рассыпающаяся на ветру. Кира знала этот герб. Она знала его так, как знают шрам на собственном теле — не глазами, а кожей, памятью, болью, которая не проходит, а просто учится молчать.

Четырнадцать лет назад этот герб был вышит на плащах людей, которые пришли в её деревню ночью. Плащи были огненно-красными, с чёрной каймой, и герб на них горел золотом в свете факелов. Кире было пять лет, и она пряталась под кроватью в родительской спальне, зажимая рот ладонью, чтобы не закричать, когда услышала, как внизу ломают дверь. Потом были крики — крики матери, высокие, рвущиеся, переходящие в хрип. Крики отца, низкие, глухие, оборвавшиеся на полуслове. Запах дыма, проникающий под дверь, густой, сладковатый, тошнотворный. И огонь — огонь, который лизал стены дома, проникал в щели пола, тянулся к ней, как живое существо, голодное и равнодушное.

Кира стояла посреди комнаты, смотрела на герб дома Солл и чувствовала, как холод поднимается от ступней к коленям, от колен к животу, от живота к горлу, сжимая всё внутри ледяными пальцами. Пустота в её груди шевельнулась — не угрожающе, а тоскливо, как зверь, узнавший запах клетки. Пальцы Киры сжались в кулаки, ногти впились в ладони, и она почувствовала боль, но не разжала рук, потому что боль была якорем, не дающим ей провалиться в ту ночь, в тот запах гари, в тот крик, который она слышала каждую ночь в течение четырнадцати лет.

Дом Солл. Наследники Огня. Они убили моих родителей. Они сожгли мой дом. И теперь я буду спать под их гербом, дышать их воздухом, ходить по их коридорам. Каждый день. Каждый проклятый день.

Кира медленно разжала кулаки и посмотрела на свои ладони, на которых остались полумесяцы от ногтей. Потом перевела взгляд на окно, за которым сгустились сумерки и горные пики тонули в фиолетовом мареве уходящего дня. Где-то там, за тремя перевалами, лежала Элиза — бледная, тихая, с каждым днём всё более прозрачная, как будто жизнь вытекала из неё по капле, и никто не мог остановить это, кроме Киры.

Я останусь. Я буду жить в этой башне, под этим гербом, среди людей, которые носят имя Солл, как знамя. Я буду улыбаться им на занятиях, кивать на лекциях, дышать одним с ними воздухом. Я найду то, что мне нужно в их архивах, спасу Элизу и уйду. А до тех пор — я вытерплю всё. Каждую ночь под этим гербом. Каждый взгляд из багровой толпы. Каждое слово, которое напомнит мне о том, кто они такие.

Кира подошла к кровати, села на край и провела ладонью по тёмному покрывалу. Ткань была грубой, тёплой, чужой. Она легла, не раздеваясь, и уставилась в потолок, на котором танцевали тени от пламени светильников за дверью. Герб дома Солл был прямо над её головой — она видела его боковым зрением, чувствовала его присутствие, как чувствуют присутствие врага в темноте.

Я останусь. Даже если мне придётся жить среди убийц моей семьи. Даже если каждый камень в этой башне помнит их имена. Я останусь ради Элизы, и ничто — ни страх, ни ненависть, ни этот странный толчок в груди от взгляда тёмноглазого незнакомца — не заставит меня уйти.

Пламя в светильниках за дверью колыхнулось от сквозняка, и тени на потолке дрогнули, изогнулись, потянулись к гербу на стене, как будто хотели его коснуться. Кира закрыла глаза, но темнота под веками не принесла покоя — в ней всё ещё горели факелы, всё ещё кричала мать, всё ещё пахло дымом и пеплом, и где-то на краю сознания, как далёкое эхо, звучал тихий, ровный голос: *«Пустота в зале Огня — это либо шутка судьбы, либо её жестокий приговор».*

Кира не знала, что именно ждёт её в этой башне, в этой академии, в этом году. Но она знала одно: она не уйдёт. Не сегодня. Не завтра. Не до тех пор, пока не найдёт то, ради чего пришла.

А за дверью, в коридоре четвёртого этажа башни Огня, чьи-то шаги замерли на мгновение напротив комнаты четыреста двенадцать — тихие, размеренные, уверенные. Потом шаги двинулись дальше, к лестнице, и растворились в густом, пахнущем дымом воздухе башни. Но Кира их уже не слышала, потому что сон наконец накрыл её тяжёлым, тёмным крылом, унося прочь от герба, от пламени, от воспоминаний.

До утра. До нового дня. До первой тренировки, на которой ей снова придётся стоять лицом к лицу с тем, чей голос уже врезался в память, как лезвие в камень.

Но это будет завтра. А сегодня Кира Вэйн, она же Мира Тонн, лежала на чужой кровати под гербом убийц своей семьи и дышала чужим воздухом, и Пустота в её груди молчала, свернувшись в клубок, как зверь перед прыжком.

Ждала.

Глава 2. Пепел на языке

Утро началось не с рассвета, а с запаха дыма — тонкого, едва уловимого, просочившегося сквозь щели в оконной раме вместе с холодным горным воздухом. Кира открыла глаза и первое, что увидела, был герб дома Солл прямо над её лицом: скрещённые клинки, обвитые пламенем, корона из пепла, застывшая в камне навсегда. Она лежала неподвижно несколько секунд, позволяя себе просто дышать и вспоминать, где находится, кто она и зачем пришла сюда, потому что в первые мгновения пробуждения память всегда пыталась вернуть её в прошлое — в маленькую комнату с соломенным матрасом, в запах травяного чая и тихое дыхание Элизы за стеной.

Потом реальность вернулась, тяжёлая и неоспоримая, как камень на груди: башня Огня, четвёртый этаж, комната четырёста двенадцать, чужое имя, чужая жизнь, чужой герб над головой. Кира села на кровати, спустила ноги на холодный каменный пол и почувствовала, как ледяные плиты обожгли босые ступни — это было неприятно, но приятно одновременно, потому что холод помогал проснуться, вытряхнуть из головы остатки кошмара, в котором снова горели факелы и кричала мать.

Она встала, подошла к узкому окну и раздвинула плотные тёмные шторы, впуская в комнату сероватый, ещё не до конца проснувшийся свет раннего утра. За окном расстилалась внутренняя территория академии: мощёный двор, по которому уже скользили одинокие фигуры в мантиях, дальние тренировочные площадки, обнесённые каменными столбами с защитными рунами, и над всем этим — небо, затянутое низкими облаками цвета мокрого сланца, обещающими дождь к полудню. Кира прижалась лбом к холодному стеклу и закрыла глаза, считая вдохи и выдохи, как учила её бабушка, когда страх подступал слишком близко к горлу.

Сегодня первый день. Ты — Мира Тонн. У тебя слабая стихия Земли, ты из южных провинций, ты никогда не слышала о Пустоте и не знаешь, что она существует. Повтори это десять раз, двадцать раз, сто раз, пока слова не станут частью тебя, как дыхание, как пульс, как имя, данное при рождении.

Стук в дверь заставил её вздрогнуть и отшатнуться от окна. Кира схватила плащ со спинки стула, набросила на плечи и только потом крикнула, стараясь, чтобы голос звучал ровно и сонно, как у человека, которого разбудили слишком рано:

— Войдите, дверь не заперта.

Дверь распахнулась, и в комнату ворвался поток тёплого воздуха из коридора, а вместе с ним — девушка в багровой мантии, слегка помятой и застёгнутой криво, с рыжими волосами, собранными в небрежный пучок на затылке, из которого выбивались короткие пряди, обрамляющие круглое, веснушчатое лицо. В руках она держала два бумажных стаканчика, от которых поднимался пар, и улыбалась так широко и беззаботно, как будто мир не содержал в себе ничего, кроме хорошего настроения и крепкого чая.

— Доброе утро, соседка! — произнесла она громко, может быть, чуть громче, чем требовалось для комнаты размером в четыре шага, и протянула один из стаканчиков Кире. — Я Тесса Морн, и я живу в комнате четырнадцать на этом же этаже, но у нас закончился завтрак, и я решила, что знакомство — лучший повод занять чужой чайник, а потом подумала, что лучше принести готовый чай, потому что знакомство с чайником в руках выглядит подозрительно.

Кира моргнула, принимая стаканчик машинально, потому что руки сами потянулись к теплу, и почувствовала, как горячая керамика греет замёрзшие пальцы. Чай пах мятой и чем-то пряным, гвоздикой или корицей, и этот запах был таким домашним, таким далёким от каменных стен башни Огня, что у Кире на мгновение перехватило горло.

— Мира, — сказала она, потому что чужое имя всё ещё звучало непривычно на языке, как монета чужой чеканки. — Мира Тонн. Спасибо за чай, я не ожидала, что кто-то придёт так рано.

Тесса отмахнулась свободной рукой и плюхнулась на край кровати, не спрашивая разрешения, но делая это так естественно и беззлобно, что Кира не успела возмутиться. Матрас прогнулся под её весом, и стаканчик в руке Тессы качнулся, расплескав несколько капель чая на тёмное покрывало.

— Рано — это понятие относительное, когда речь идёт о первом дне в башне Огня, — объявила Тесса, отпивая из своего стаканчика и обжигаясь, потому что тут же зашипела и затрясла ладонью перед ртом. — Мастер Кайрен проводит практические занятия в семь утра, и если ты опоздаешь хотя бы на минуту, он запишет тебя в список «слабаков» и будет гонять до конца семестра, как будто ты лично оскорбила его прапрадедушку.

Кира сделала глоток чая — мятный, горячий, обжигающий, — и почувствовала, как тепло разливается по горлу и спускается в желудок, вытесняя холод, который поселился там с момента пробуждения. Она смотрела на Тессу — на её веснушки, на рыжие пряди, на криво застёгнутую мантию, на то, как она беззаботно болтает ногами, сидя на чужой кровати, — и думала, что, возможно, не всё в этой башне будет пахнуть пеплом и ненавистью. Возможно, здесь есть место для чего-то другого, чего-то тёплого и нелепого, как этот чай, принесённый незнакомкой в семь утра.

— Расскажи мне про Мастера Кайрена, — попросила Кира, садясь на стул напротив и обхватывая стаканчик обеими ладонями. — Я не знаю преподавателей факультета Огня, я только вчера приехала.

Тесса просияла так, словно Кира попросила её рассказать самую увлекательную историю в мире, и подалась вперёд, понижая голос до заговорщицкого шёпота, хотя в комнате не было никого, кроме них двоих.

— Мастер Кайрен ведёт практический бой и тактику стихийного взаимодействия, и он служил в императорской гвардии тридцать лет, прежде чем ушёл в отставку и согласился учить студентов, потому что, по его собственным словам, «в гвардии хотя бы не приходилось объяснять очевидное дважды». Он не кричит, никогда не кричит, и это самое страшное, потому что когда он говорит тихо, ты понимаешь, что сейчас произойдёт что-то, после чего захочется провалиться сквозь каменный пол.

Кира слушала, кивала, делала маленькие глотки чая и чувствовала, как напряжение в плечах постепенно отступает — не исчезает полностью, но становится тише, отходит на второй план, уступая место чему-то, похожему на обычное утреннее беспокойство перед первым днём занятий. Тесса говорила без остановки, перескакивая с темы на тему: расписание лекций, столовая на втором этаже, где подают отвратительную кашу по понедельникам, библиотека на третьем этаже, в которой запрещено шуметь под угрозой немедленного отчисления, и тайный проход на крышу башни, откуда видно всю долину и где старшекурсники курят травяные сигареты, прячась от дежурных.

Кира впитывала информацию, запоминала имена, коридоры, правила, и одновременно чувствовала, как Пустота внутри неё лежит тихо, свернувшись в тугой холодный клубок где-то под левым ребром, не шевелясь, не выдавая себя. Пока Тесса болтала, Кира могла почти забыть о том, что прячет в груди магию, за которую казнят без суда и следствия, и просто быть первокурсницей, которой принесли чай и рассказали про преподавателей.

Почти.

Первые две лекции прошли в большом зале на втором этаже башни Огня, где Кира сидела в третьем ряду, рядом с Тессой, и старалась выглядеть скучающей и немного сонной — именно так, по её мнению, должна была выглядеть девушка со слабой стихией Земли, которой не очень

интересны тонкости огненной теории. Преподаватель — сухощавый мужчина в очках с треснувшим стеклом на левой линзе — читал лекцию о термодинамике стихийных потоков, и Кира записывала в тетрадь каждое слово, потому что записывать было безопаснее, чем думать, а думать было безопаснее, чем чувствовать.

Пустота внутри неё реагировала на каждое упоминание магии лёгким, почти неосязаемым покалыванием — как далёкий зуд, который невозможно почесать, потому что он находится не на коже, а где-то глубже, под костями, под мышцами, в самой сердцевине существа. Кира стискивала зубы и продолжала писать, выводя ровные строчки чужим почерком, который она тренировала три месяца, чтобы он не был похож на её собственный, резкий и угловатый.

Тесса рядом с ней рисовала на полях тетради маленьких огненных саламандр и периодически шептала комментарии вроде: «Если он ещё раз скажет "термодинамический градиент", я скончаюсь от тоски прямо на этой скамье, и ты должна будешь сказать моей матери, что я умерла героической смертью в борьбе с наукой». Кира не улыбалась — не могла позволить себе улыбку, которая привлекла бы внимание, — но уголки её губ чуть подрагивали, и этого было достаточно, чтобы Тесса восприняла молчание как одобрение и продолжила своё представление.

На перерыве между лекциями Кира вышла в коридор, чтобы глотнуть воздуха из высокого окна, выходящего во внутренний двор, и постояла там несколько минут, прижавшись спиной к холодной каменной стене и глядя на студентов, которые сновали внизу, как муравьи вокруг разворошённого муравейника. Никто не смотрел на неё, никто не останавливался, никто не задавал вопросов о вчерашней церемонии — и это было одновременно облегчением и напоминанием о том, что она здесь чужая, невидимая, существующая на полях чужой истории.

Ты — тень. Тень не привлекает внимания, не вызывает вопросов, не оставляет следов. Будь тенью, Мира Тонн, и никто не увидит того, что прячется у тебя внутри.

Тесса догнала её на лестнице, ведущей в тренировочные залы, и схватила за локоть с той бесцеремонной непосредственностью, которая, казалось, была её природным состоянием.

— Практика сейчас, и я должна предупредить тебя заранее, потому что ты выглядишь как человек, который не спал трое суток и не знает, где находится, — сказала Тесса, понижая голос и оглядываясь через плечо, как будто боялась, что их подслушают каменные стены. — Мастер Кайрен распределяет пары сам, и если он поставит тебя в пару с кем-то из старшего курса, не пугайся, они просто будут гонять тебя по залу, пока ты не научишься держать щит дольше трёх секунд.

Кира кивнула, чувствуя, как желудок сжимается в тугий узел при слове «пара». Практическое занятие означало контакт, взаимодействие, необходимость показать свою магию — или то, что она выдавала за магию. Слабая стихия Земли, говорила легенда. Каменный щит, простейшее заклинание, ничего примечательного. Но Пустота внутри неё не была камнем, не была землёй, не была ничем, что можно было показать без риска разоблачения, и Кира не знала, как долго сможет притворяться, прежде чем кто-то заметит, что её щит не каменный, а пустотный — не отражающий удары, а поглощающий их целиком.

Тренировочный зал башни Огня располагался в самом низу, глубоко под землёй, и представлял собой огромное круглое пространство с потолком, уходящим вверх на три этажа, и стенами, покрытыми защитными рунами, которые светились тусклым багровым светом. Пол был выложен чёрным камнем, отполированным до зеркального блеска сотнями подошв, и в центре зала стоял Мастер Кайрен — высокий, широкоплечий, с коротко стриженными седыми волосами и шрамом, рассекающим левую бровь пополам. Он стоял, скрестив руки на груди, и смотрел на входящих студентов с тем спокойным, оценивающим выражением, которое Кира видела у охотничьих собак перед тем, как они бросались за добычей.

Студенты выстраивались полукругом перед ним, и Кира встала в конце ряда, рядом с Тессой, которая шепнула ей: «Не смотри ему в глаза дольше двух секунд, он это чувствует и

вызывает первым». Кира опустила взгляд в пол, считая трещины в каменных плитах, и старалась дышать ровно, неглубоко, незаметно.

— Доброе утро, — произнёс Мастер Кайрен, и его голос, негромкий и ровный, заполнил зал так, что эхо отразилось от стен и вернулось обратно, усиленное и многократное. — Сегодня мы работаем в парах. Стихийное взаимодействие, синхронизация потоков, базовый тактический контакт. Я называю имена, вы выходите в центр и держите ладонный контакт до тех пор, пока я не скажу остановиться.

Кира почувствовала, как Пустота внутри неё шевельнулась — не угрожающе, а настороженно, как кошка, услышавшая незнакомый звук за дверью. Ладонный контакт. Прикосновение. Чужая магия, льющаяся через кожу, и её собственная, запрятанная так глубоко, что ни один преподаватель не должен был её увидеть. Но прикосновение — это не заклинание, не щит, не формальность. Прикосновение — это прямое соединение, и Кира не знала, что произойдёт, если чужая магия коснётся Пустоты напрямую.

Мастер Кайрен начал называть пары, и студенты выходили в центр зала, становились лицом друг к другу и соединяли ладони. Кира видела, как между их руками вспыхивали слабые искры — синие, зелёные, серебристые, багровые, — и как они морщились, кривились, иногда отшатывались, когда потоки не совпадали. Это было похоже на настройку музыкального инструмента: грубо, неточно, но необходимо.

— Тесса Морн и Эдриан Вальд, — произнёс Мастер Кайрен, и Тесса шепнула Кире: «Молись за меня, Эдриан дышит ртом», — и вышла в центр зала, где её уже ждал высокий парень с копной тёмных волос.

Кира осталась стоять в ряду, и с каждым новым именем, которое произносил Мастер Кайрен, её сердце колотилось всё сильнее, а ладони становились всё более влажными. Она вытирала их о ткань мантии, прятала за спину, сжимала в кулаки и разжимала, но влага возвращалась, потому что страх не зависит от того, сколько раз ты вытрешь руки.

Осталось четыре человека. Три. Два.

— Мира Тонн и Дариэн Солл.

Имя ударило Киру, как физический удар в грудь — коротко, резко, выбивая воздух из лёгких. Она подняла голову и увидела, как из ряда студентов выходит фигура в багровой мантии — высокая, прямая, с коротко стриженными тёмными волосами и резким профилем, который она видела вчера на церемонии. Дариэн Солл шёл к центру зала размеренным, уверенным шагом, не оглядываясь, не замедляясь, и его лицо было абсолютно непроницаемым, как каменная стена, за которой ничего не видно и ничего не слышно.

Кира шагнула вперёд, потому что стоять на месте означало привлечь ещё больше внимания, и пошла навстречу ему, чувствуя, как каждый шаг даётся ей с трудом, как будто ноги увязли в густом, невидимом месиве. Пустота внутри неё сжалась в тугую, холодный комок и замерла, не дыша, не шевелясь, как зверь, почуявший хищника крупнее себя.

Дариэн остановился в двух шагах от неё, и Кира остановилась тоже, и между ними повисло расстояние в полметра каменного пола, которое ощущалось как пропасть, как стена, как граница между двумя мирами, которые не должны были соприкасаться. Он смотрел на неё сверху вниз — он был выше на голову, и это различие в росте делало его взгляд ещё более давящим, — и в его тёмных глазах Кира не увидела ни удивления, ни раздражения. Только холодную, расчётливую оценку, как у человека, рассматривающего незнакомый предмет и решающего, достоин ли он внимания.

Потом он повернулся к Мастеру Кайрену и произнёс ровным, чётким голосом, в котором не было ни просьбы, ни вопроса, а только констатация факта:

— Мастер Кайрен, я отказываюсь работать в паре с данной студенткой по причине отсутствия доверия к её магическому профилю.

В зале стало тихо — не мгновенно, а постепенно, волной, от первых рядов к последним, как будто кто-то медленно выкрутил громкость до нуля. Студенты замерли, повернув головы к центру зала, и Кира почувствовала на себе десятки взглядов — любопытных, удивлённых, злорадных. Тесса, стоявшая в паре с Эдрианом у противоположной стены, смотрела на Киру широко раскрытыми глазами и беззвучно шевелила губами, как будто пыталась произнести что-то ободряющее, но не могла найти слов.

Мастер Кайрен не изменился в лице. Он смотрел на Дариэна так же спокойно, как смотрел на всех студентов, — без гнева, без удивления, с тем ровным, чуть отстранённым вниманием, которое делало его похожим на каменное изваяние, случайно наделённое способностью говорить.

— Студент Солл, — произнёс он, и его голос был тихим, мягким, почти ласковым, и именно эта мягкость заставила Киру похолодеть изнутри, потому что Тесса предупреждала: когда Кайрен говорит тихо, случается непоправимое. — Уточните, пожалуйста, что именно вы подразумеваете под «отсутствием доверия к магическому профилю».

Дариэн не моргнул. Не отвёл взгляда. Не сделал ни одного движения, которое выдало бы сомнение или неуверенность.

— Артефакт-распределитель выдал аномальную реакцию на данную студентку, и я не могу быть уверен в безопасности взаимодействия с магией, природа которой не установлена, — ответил он, и каждое слово ложилось в тишину зала, как камень в стоячую воду, расходясь кругами.

Кира стояла и чувствовала, как кровь приливает к щекам, как пальцы сжимаются в кулаки за спиной, как Пустота внутри неё шипит от унижения — не от слов Дариэна, а от того, что они были произнесены вслух, перед всеми, в зале, где каждый мог услышать и запомнить. *Неизвестная магия. Аномалия. Опасность.* Слова, которые она боялась услышать с момента прибытия в академию, прозвучали из уст человека, стоящего прямо перед ней, и она не могла ничего ответить, потому что любой ответ выдаст её, любой протест привлечёт внимание.

Мастер Кайрен молчал несколько секунд, глядя на Дариэна с тем же спокойным, непроницаемым выражением, а потом произнёс так же тихо и мягко, как прежде:

— Студент Солл, я понимаю вашу обеспокоенность и ценю вашу осторожность, однако распределение пар находится в моей компетенции, и я не обсуждаю свои решения с первокурсниками, вне зависимости от их фамилии и положения в доме. Вы работаете в паре со студенткой Тонн, и это не предложение, а приказ. Отказ от выполнения приказа на практическом занятии означает немедленное отчисление для обоих участников пары — таковы правила академии, которые вы приняли при поступлении.

Дариэн не шевельнулся. Не моргнул. Не изменил выражения лица. Но Кира видела, как его правая рука, висевшая вдоль тела, чуть сжалась — пальцы согнулись, ногти впились в ладонь, и на коже проступили белые полумесяцы. Это было единственное, что выдало его реакцию — единственная трещина в каменной маске, — и Кира запомнила эту трещину, зафиксировала её в памяти, как фиксируют деталь, которая может пригодиться позже.

Тишина длилась ещё три секунды — Кира считала их, как считала ступени, как считала дни, — а потом Дариэн повернулся к Кире и посмотрел на неё тем же оценивающим, холодным взглядом, которым смотрел вчера на церемонии.

— Ладонь, — сказал он, и это слово прозвучало не как просьба, не как приглашение, а как команда, отданная подчинённому, которого не уважают, но вынуждены терпеть.

Кира протянула правую руку вперёд, держа её ровно, на уровне груди, и смотрела на его ладонь, приближающуюся к ней медленно, как будто он давал ей время отдёрнуть свою, отступить, отказаться. Но она не отступила. Не отвела взгляда. Не опустила руки. Она стояла и смотрела, как его пальцы приближаются к её пальцам, и Пустота внутри неё напряглась, сжалась, приготовилась — не к удару, не к бегству, а к чему-то, чего она не могла назвать.

Их ладони соприкоснулись.

Первое, что почувствовала Кира, было тепло — горячее, сухое, почти обжигающее тепло чужой кожи, контрастирующее с холодом её собственных пальцев. Второе — лёгкая вибрация, как от натянутой струны, по которой провели ногтем, и вибрация эта пошла не от ладони к запястью, как она ожидала, а глубже, выше, прямо в грудь, в то место, где Пустота лежала свернувшись.

А потом Дариэн дёрнулся.

Не отступил, не оттолкнул, не вырвал руку — дёрнулся, как от удара током, резко, всем телом, и его пальцы разжались, отпуская её ладонь с такой скоростью, что Кира пошатнулась от внезапной потери опоры. Он отступил на шаг, потом ещё на полшага, и его глаза — те самые тёмные, непроницаемые глаза — расширились на долю секунды, и в них мелькнуло нечто, чего Кира не видела там раньше: не холод, не расчёт, не оценка. Удивление. Чистое, неприкрытое, почти детское удивление человека, который коснулся чего-то, чего не должен был коснуться.

Это длилось мгновение — одно короткое мгновение, в которое уместилось всё: расширенные глаза, разжатые пальцы, отступление, и тут же маска вернулась, лицо Дариэна снова стало каменным, глаза сузились, губы сжались в тонкую линию. Но Кира видела. Видела ту долю секунды, когда он не был наследником дома Солл, не был лучшим боевым магом курса, не был холодным и контролирующим. Он был просто человеком, который испугался того, что почувствовал.

— Достаточно, — произнёс Мастер Кайрен, и его голос вернул зал к жизни, как щелчок пальцев возвращает к реальности. — Синхронизация не установлена, но контакт зафиксирован. Разойдитесь.

Дариэн развернулся и пошёл к своему месту в ряду, не оглядываясь, не замедляясь, и его спина была прямой, как натянутая струна, а плечи — чуть выше, чем обычно, как будто он пытался казаться больше, чем был на самом деле. Кира осталась стоять в центре зала ещё несколько секунд, глядя на свою правую ладонь, на которой не было никаких следов, никаких ожогов, никаких отметин, но которая горела так, как будто её окунули в кипяток и держали там, пока кожа не покраснела.

Она сжала ладонь в кулак, спрятала руку за спину и пошла к своему месту в ряду, чувствуя на себе взгляды — любопытные, удивлённые, сочувствующие, — и ни один из них не был тем взглядом, который она боялась больше всего. Взглядом Дариэна Солла, который больше не смотрел на неё. Не мог смотреть. Не хотел.

Занятие закончилось через час, и Кира вышла из тренировочного зала последней, потому что ей нужно было время, чтобы унять дрожь в руках и вернуть лицу то ровное, чуть скупящее выражение, которое она считала своей защитой. Коридор за залом был пустым и холодным, каменные стены отсырели от подземной влаги, и магические светильники горели тускло, отбрасывая на пол длинные, дрожащие тени. Кира прислонилась спиной к стене и закрыла глаза, пытаясь понять, что именно она почувствовала в момент прикосновения.

Не тепло. Не вибрацию. Что-то другое, глубже, дальше, за пределами физических ощущений — как будто кто-то открыл дверь в комнате, о существовании которой она не подозревала, и за этой дверью было пусто и темно, но сама пустота была тёплой, живой, пульсирующей. Пустота внутри неё откликнулась на его прикосновение не страхом, не отторжением, а чем-то, похожим на узнавание. Как будто она знала его Огонь. Как будто ждала его.

Это невозможно. Я видела его первый раз вчера на церемонии. Я не могу знать его магию, не могу чувствовать её, не могу откликаться на неё. Это просто нервное напряжение, просто усталость, просто страх разоблачения, который заставляет тело реагировать на любое прикосновение как на угрозу.

Но Кира не верила себе. Не верила, потому что дрожь в ладони не проходила, и тепло его кожи всё ещё ощущалось на её пальцах, и Пустота внутри неё не сжалась, не спряталась, не замерла, как делала всегда при опасности. Она лежала тихо и мурлыкала, как кошка, которую погладили против шерсти, но не оттолкнули.

Шаги в коридоре заставили Киру открыть глаза и выпрямиться. Дариэн Солл шёл к ней от тренировочного зала — не быстро, не медленно, размеренным шагом человека, который идёт не к цели, а от неё, и его мантия была расстёгнута на груди, а волосы слегка растрёпаны, как будто он провёл ладонью по голове после занятия и забыл пригладить обратно. Он остановился в трёх шагах от неё, и Кира увидела, что его правая рука засунута в карман мантии, а левая висит вдоль тела, и пальцы на ней чуть подрагивают, как будто он не может их контролировать.

Они смотрели друг на друга несколько секунд, и в этом взгляде не было ни враждебности, ни интереса — только настороженность двух людей, которые столкнулись с чем-то непонятным и не знают, как это назвать.

Дариэн заговорил первым, и его голос был ровным, сухим, лишенным тех эмоций, которые Кира видела в его глазах в тренировочном зале:

— Не знаю, что ты сделала с распределителем на вчерашней церемонии, но я обязательно выясню правду, и когда выясню, тебе не поможет ни протекция ректора, ни чужое имя, которое ты носишь.

Кира почувствовала, как внутри неё что-то вспыхнуло — не страх, не стыд, а злость, горячая, острая, поднимающаяся от живота к горлу и обжигающая язык. Чужое имя. Он намекнул на чужое имя. Он не знал, не мог знать, но попал в самую уязвимую точку, и Кира сжала челюсти, чтобы не выдать себя дрожащим голосом.

— А я выясню, почему наследник дома Солл так боится одного женского прикосновения, что отскакивает от него, как от раскалённого железа, — ответила она, и её голос звучал ровно, с вызовом, с той холодной, колючей насмешкой, которой она научилась за три месяца пути, когда каждый встречный мог оказаться врагом. — Может быть, в вашем славном доме принято падать в обморок от касания чужой кожи, или, может быть, вы просто не привыкли к тому, что кто-то прикасается к вам без предварительного письменного разрешения.

Дариэн моргнул — один раз, медленно, — и в его глазах мелькнуло что-то, похожее на удивление, но не то детское, неприкрытое, которое Кира видела в тренировочном зале. Другое. Уважение. Мимолётное, неохотное, но настоящее уважение к человеку, который не отвёл глаза и не проглотил язык.

Он не ответил. Не улыбнулся. Не нахмурился. Просто повернулся и пошёл прочь по коридору, к лестнице, ведущей на верхние этажи башни, и его шаги отдавались эхом от каменных стен, ровные, размеренные, уверенные. Кира смотрела ему в спину, чувствуя, как Пустота внутри неё тянется за ним, как цветок тянется к солнцу, и ненавидя себя за это чувство, за эту тягу, за эту глупую, бессмысленную, невозможную реакцию на чужой Огонь.

Дариэн дошёл до двери в конце коридора, толкнул её ладонью и уже переступил порог, когда остановился. Не обернулся сразу. Просто замер на пороге, одной ногой в коридоре, другой — на лестнице, и его плечи чуть напряглись, как будто он боролся с чем-то внутри себя, с каким-то импульсом, который приказывал ему уйти и не оглядываться.

Потом он повернул голову. Не полностью, не всем телом — только голову, на несколько градусов, и Кира увидела его профиль, резкую линию скулы, тёмную бровь, край глаза. Он смотрел на неё две секунды — Кира считала их, как считала всё в этой академии, — и в этих двух секундах было что-то, что она не смогла расшифровать. Не угроза. Не насмешка. Не холод. Что-то другое, что-то, чему она не знала названия, и это незнание было хуже любого оскорбления.

Потом он отвернулся, шагнул на лестницу, и дверь закрылась за ним с мягким, глухим звуком, который прокатился по пустому коридору и затих, оставив Киру одну среди каменных стен и дрожащих теней.

Она стояла ещё долго, прижавшись спиной к стене и глядя на закрытую дверь, и чувствовала, как ладонь правой руки горит, горит, горит, как будто на ней невидимым чернилом выжгли чужое имя.

Ночь пришла не сразу. Сначала были сумерки, потом ужин в столовой, где Кира сидела рядом с Тессой и ковыряла ложкой в тарелке с кашей, не чувствуя вкуса, потом были два часа в библиотеке, где она делала вид, что читает учебник по основам стихийной теории, а на самом деле искала в каталоге упоминания о Резонансе и не находила ничего. Потом Тесса затащила её в свою комнату, показала коллекцию засохших трав, которые она привезла из дома, рассказала три истории о своих братьях и заснула прямо на середине четвёртой, свернувшись на кровати, как котёнок, и посапывая в подушку.

Кира вернулась в свою комнату в одиннадцать вечера, заперла дверь на ключ, стянула мантию и легла на кровать, не раздеваясь, потому что сил на душ не было, а герб дома Солл над головой уже не пугал так, как вчера, — он просто был там, как был всю жизнь, как будет всегда, и Кира научилась не смотреть на него, как научилась не смотреть на шрам на собственной ладони.

Сон пришёл быстро, тяжёлый и тёмный, без сновидений, без образов, без звуков. Кира провалилась в него, как в глубокую яму, и не чувствовала ничего до тех пор, пока боль не вырвала её из темноты.

Это началось в груди — не снаружи, не на коже, а внутри, под рёбрами, под мышцами, в том месте, где Пустота лежала свернувшись. Жжение. Горячее, острое, проникающее, как будто кто-то прижал раскалённый металлический прут к внутренней стороне грудной клетки и держал его, не убирая, не ослабляя. Кира вскрикнула во сне, дёрнулась, попыталась перевернуться на бок, но боль не отпускала, не ослабевала, не менялась — она просто была, заполняя всё пространство внутри, вытесняя воздух, вытесняя мысли, вытесняя всё, кроме этого жжения, которое росло и ширилось, расползаясь от центра груди к рёбрам, к ключицам, к горлу.

Кира села на кровати резко, рывком, и схватилась обеими руками за грудь, прижимая ладони к ткани рубашки, как будто могла таким образом затушить огонь, который горел внутри. Она задыхалась — не от нехватки воздуха, а от боли, которая мешала дышать, мешала думать, мешала понимать, где она и что происходит. Рубашка под ладонями была сухой, прохладной, целой — никаких ожогов, никаких следов, никаких повреждений. Кожа под тканью была гладкой и невредимой, но боль была реальной, физической, настоящей, и Кира не могла объяснить, откуда она берётся и почему горит именно там, где горит.

Она просидела так несколько минут, сжимая ладони на груди и дыша часто, мелко, прерывисто, как собака после долгого бега. Боль не уходила, но и не усиливалась — она просто была, ровная, постоянная, как тлеющий уголь, который не гаснет и не разгорается. Пустота внутри неё не реагировала — не сжималась, не пряталась, не шипела. Она лежала тихо и смотрела на эту боль, как смотрят на что-то знакомое, но нежеланное, как смотрят на гостя, которого не звали, но которого нельзя выгнать.

Постепенно жжение ослабело — не исчезло, но стало тише, отступило на задний план, как шум, к которому привыкаешь и перестаёшь замечать. Кира разжала пальцы, отняла ладони от груди и посмотрела на них в темноте — обычные, бледные, чуть дрожащие, без единого следа. Она провела кончиками пальцев по ткани рубашки, по коже под ней, по рёбрам, по ключицам — ничего. Никаких ожогов, никаких покраснений, никаких шрамов. Боль была, а следов не было.

Кира легла обратно на подушку, но не закрыла глаз. Она лежала в темноте, глядя в потолок, на котором герб дома Солл был едва различим в слабом свете магических светильников за дверью, и слушала собственное дыхание, ровное и глубокое, но чужое, как будто она дышала не только за себя, но и за кого-то ещё. За кого-то, кто горел где-то далеко, в другой комнате, на другом этаже, в другой части башни, и чья боль просочилась сквозь стены и расстояния и легла ей на грудь, как чужая ладонь.

Это не моя боль. Это не моё жжение. Это не мои ожоги. Чья-то чужая боль нашла меня в темноте и легла мне на рёбра, как письмо, брошенное в чужой почтовый ящик.

Кира прижала правую ладонь к сердцу — не потому что болело, а потому что хотела убедиться, что сердце бьётся, что она жива, что она здесь, в этой комнате, в этой башне, в этом теле, а не в чужом, не в том, где горит огонь и трескается кожа. Ладонь чувствовала ровные, сильные удары, и Кира считала их, как считала ступени, как считала дни, как считала секунды на церемонии.

Один. Два. Три. Четыре.

На пятом ударе боль вернулась — короткая, острая, как укол иглы, — и Кира вздрогнула, сжала ладонь на груди и замерла, прислушиваясь. Но боль не повторилась. Она ушла так же внезапно, как пришла, оставив после себя лёгкое, почти неосязаемое покалывание в кончиках пальцев и странное, необъяснимое чувство, что где-то рядом, за стеной, за дверью, за несколькими этажами каменной кладки, кто-то тоже проснулся от боли и тоже прижал ладонь к груди, и тоже не понял, откуда она взялась.

Кира не знала, кто это был. Не знала, почему чужая боль нашла её в темноте. Не знала, что это значит и что делать с этим знанием. Но она знала одно: это не было случайностью. Это не было кошмаром. Это не было усталостью или нервным напряжением. Это было чем-то настоящим, чем-то, что произошло между ней и кем-то ещё, и это «нечто» не собиралось исчезать.

Она лежала в темноте, прижав ладонь к сердцу, и смотрела в потолок, на герб дома Солл, и чувствовала, как чужая боль тлеет где-то глубоко внутри, как тлеет уголь, который не гаснет до рассвета.

И ждала утра.

Глава 3. То, что горит внутри

Библиотека башни Огня занимала три этажа и уходила корнями в скалу, на которой стояла академия, — глубокие, тёмные, прохладные залы, вырубленные в живом камне и заполненные стеллажами до самого потолка, который терялся в полумраке среди переплетений каменных рёбер и магических светильников, горевших тусклым, едва различимым светом. Кира пришла сюда после ужина, когда большинство студентов разошлись по комнатам или отправились в тренировочные залы, и коридоры башни опустели, наполнившись только эхом далёких шагов и мерным потрескиванием огня в настенных светильниках.

Она шла между стеллажами медленно, касаясь кончиками пальцев корешков книг, и чувствовала под подушечками шершавую кожу переплётов, потрескавшуюся от времени, гладкую ткань старых обложек, выщербленные края деревянных табличек с названиями. Воздух здесь пах иначе, чем в жилых комнатах и тренировочных залах, — пах старой бумагой, сухой и сладковатой, как увядшие цветы, пах клеем для переплётов, густым и чуть кислым, пах пылью, которая лежала на верхних полках нетронутыми слоями и поднималась в воздух при каждом прикосновении, наполняя пространство золотистыми частицами, видимыми в узких полосах лунного света, пробивающихся сквозь высокие стрельчатые окна.

Кира искала раздел с теорией проклятий и наследственных магических болезней, но не находила его в общем каталоге, потому что каталожные карточки в башне Огня были организованы по стихиям, а Пустота не была стихией — она была отсутствием, дырой, тем, о чём не писали в учебниках и не упоминали на лекциях. Кира обошла три ряда стеллажей, прежде чем нашла то, что ей было нужно: узкий, пыльный том в тёмно-сером переплёте, озаглавленный «Аномалии стихийного взаимодействия: неклассифицированные случаи», и внутри него, между описанием магических мутаций и каталогом исчезнувших стихий, — три строчки, которые заставили её пальцы замереть на странице.

«Пустота как антипод стихии не является болезнью или проклятием в классическом понимании, но может быть связана с Печатью Основания — первичным магическим контуром, заложенным в фундамент Академии Стихий при её основании. Взаимодействие Пустоты с Печатью не изучено и представляет потенциальную опасность для целостности контура».

Три строчки. Три строчки, которые связывали то, что Кира прятала в груди, с самым фундаментом академии, с тем, что лежало в основе всего этого мира, всего этого здания, всего, что она видела вокруг себя. Печать Основания. Кира не знала, что это такое — не знала точно, не видела, не изучала, — но слово «фундамент» отзывалось в её памяти эхом, как слово, которое она слышала раньше, в другом контексте, в другом месте. Фундамент. Основа. То, на чём всё держится. То, что нельзя трогать, не разрушив всё остальное.

Она перевернула страницу, ища продолжение, и не нашла его — дальше начинался раздел о водных аномалиях, написанный сухим, академическим языком, который Кира не могла читать, потому что мысли её кружились вокруг трёх строчек, как мотыльки вокруг пламени свечи. Пустота связана с Печатью Основания. Её магия, то, что она прятала, то, за что казнили, было вплетено в саму структуру академии, в её кости, в её кровь, в её сердце. И кто-то знал об этом. Кто-то написал эти три строчки, зафиксировал, задокументировал и убрал книгу на полку, между мутациями и исчезнувшими стихиями, как будто это было обычное знание, не заслуживающее отдельного тома.

Кира закрыла книгу, прижала её к груди и оглянулась, проверяя, не видел ли кто-нибудь, как она держит том, который не должен был попадать в руки первокурсницы. Библиотека была пуста — стеллажи уходили в полумрак, светильники горели тускло, и только пылинки кружились в полосах лунного света, медленные и безразличные, как далёкие звёзды. Кира поставила книгу обратно на полку, запомнив место, и двинулась дальше, вглубь зала, к разделу закрытых

коллекций, куда вход был разрешён только старшекурсникам и преподавателям, но где, как подсказывала интуиция, могли храниться более подробные сведения о Печати Основания.

Именно тогда она впервые почувствовала, что за ней наблюдают.

Это было не зрение и не слух — не скрип половицы за спиной, не шорох мантии в соседнем ряду, не отражение чужого силуэта в тёмном стекле окна. Это было ощущение кожи между лопатками — тонкое, почти неосязаемое покалывание, как будто кто-то смотрел на неё с расстояния в несколько метров, и этот взгляд имел вес, имел температуру, имел направление. Кира замерла на полушаге, пальцы на корешке книги, которую она машинально сняла с полки, и прислушалась к себе, к Пустоте внутри, к тому, что лежало под рёбрами и реагировало на чужое внимание так же, как реагирует зверь на запах охотника.

Пустота напряглась. Не сжалась, не спряталась — напряглась, как натянутая тетива, готовая выстрелить в любую секунду.

Кира не обернулась. Она сделала вид, что читает корешки книг на полке, провела пальцем по пяти, десяти, пятнадцати томам, а потом резко повернулась на каблуках и посмотрела в конец ряда, откуда, как ей казалось, исходило это ощущение чужого присутствия. Ряд был пуст. Стеллажи уходили в полумрак, и между ними не было ни одной живой души, ни одного движения, ни одного звука, кроме мерного потрескивания светильников и далёкого свиста ветра за окнами.

Показалось. Ты нервничаешь. Ты в чужом месте, под чужим именем, и каждый шорох кажется угрозой. Дыши. Иди дальше. Не оглядывайся.

Кира заставила себя отвернуться от пустого ряда и пойти дальше, к лестнице, ведущей на нижний уровень библиотеки, где хранились закрытые коллекции. Но ощущение взгляда не исчезло — оно двигалось за ней, как тень, как шлейф, как запах, который не выветривается, сколько бы ты ни открывал окон. Кира считала шаги, слушала собственное дыхание, пыталась сосредоточиться на скрипе половиц под подошвами и не думать о том, что кто-то может знать, кто она на самом деле, может видеть сквозь её легенду, сквозь имя Миры Тонн, сквозь три месяца подготовки и лжи.

На лестнице она остановилась и сделала то, чему научилась за три месяца пути: резко изменила направление. Вместо того чтобы спуститься на нижний уровень, она повернула направо, в боковой коридор, который вёл к закрытому крылу библиотеки, и пошла быстро, почти бегом, не оглядываясь, чувствуя, как сердце колотится в горле, как ладони становятся влажными, как Пустота внутри неё разворачивается, готовая к броску. Коридор был узким, тёмным, с низким потолком и стенами, покрытыми влагой, которая пахла плесенью и старым камнем. В конце коридора была дверь — тяжёлая, дубовая, окованная железом, с табличкой, на которой значилось: «Закрытое крыло. Доступ только по разрешению ректора или старшего преподавателя».

Кира не пошла к двери. Она остановилась в трёх шагах от неё, прижалась спиной к стене и замерла, не дыша, слушая. И услышала: шаги. Тихие, размеренные, уверенные шаги за поворотом коридора, там, где она только что прошла. Кто-то шёл за ней. Кто-то шёл след в след, не отставая и не приближаясь, с той точностью и расчётом, которые выдавали человека, привыкшего наблюдать, а не быть наблюдаемым.

Кира ждала. Считала секунды. Пять. Десять. Пятнадцать. Шаги приближались, становились громче, отчётливее, и в них не было ни спешки, ни осторожности — только ровный, размеренный ритм человека, который знает, что его цель никуда не денется. Кира сжала кулаки, прижала лопатки к холодной каменной стене и приготовилась.

Шаги завернули за поворот.

Кира шагнула вперёд, преграждая путь, и произнесла громко, резко, с той холодной яростью, которая копилась в ней весь вечер и весь день, и всю неделю с момента прибытия в эту проклятую башню:

— Хватит ходить за мной, как тень за приговорённым, и скажите наконец, что вам от меня нужно.

Дариэн Солл остановился в двух шагах от неё, и лунный свет из высокого окна в конце коридора упал на его лицо, выхватив из полумрака резкие скулы, тёмные брови, прямую линию носа и глаза — те самые тёмные, непроницаемые глаза, в которых Кира не могла прочесть ничего, кроме холодного, расчётливого внимания. Он стоял, скрестив руки на груди, в багровой мантии, застёгнутой на все пуговицы, и смотрел на неё сверху вниз с тем выражением, которое она уже научилась распознавать: не враждебность, не интерес, а оценка, как у человека, рассматривающего задачу, которую не решил с первого раза.

— Я не хожу за тобой, — ответил он, и его голос был ровным, сухим, лишённым интонаций, как голос человека, зачитывающего отчёт. — Я нахожусь в библиотеке, которая является общественным пространством академии, и моё присутствие здесь не требует твоего разрешения или одобрения.

Кира рассмеялась — коротко, зло, без тени веселья, и этот смех отразился эхом от каменных стен коридора и вернулся обратно, искажённый и пустой.

— Общественное пространство, — повторила она, делая шаг вперёд, и Дариэн не отступил, не моргнув, не изменил позы. — Закрытое крыло библиотеки, куда вход разрешён только по специальному допуску, является общественным пространством, и вы оказались здесь случайно, в одиннадцать вечера, в том же ряду, в том же зале и на той же лестнице, что и я. Какое удивительное совпадение, студент Солл.

Дариэн не ответил сразу. Он смотрел на неё несколько секунд, и Кира видела, как его челюсть чуть напряглась, как мышцы на скулах дрогнули, как пальцы, скрещённые на груди, сжались чуть крепче, чем прежде. Он молчал, и это молчание было хуже любого ответа, потому что в нём Кира слышала подтверждение того, что уже знала: он следил за ней. Не случайно, не по совпадению, не по собственной воле. По приказу.

— Ректор Грейв поручил мне наблюдать за студенткой, чья магическая природа не была установлена распределителем, — произнёс он наконец, и в его голосе не было ни вины, ни стыда, ни оправдания — только констатация факта, сухая и точная, как удар скальпеля. — Это не слежка. Это обязанность, возложенная на меня как на старшего студента факультета Огня, и я выполняю её вне зависимости от того, нравится мне это или нет.

Кира почувствовала, как внутри неё что-то вспыхнуло — не страх, не удивление, а злость, горячая и острая, поднимающаяся от живота к горлу и обжигающая язык. Ректор Грейв. Тот самый человек, который зачислил её на факультет Огня вопреки логике, который смотрел на неё с холодным интересом коллекционера, который знал больше, чем говорил, и говорил меньше, чем знал. Он послал Дариэна следить за ней. Не преподавателя, не охранника, не соглядатая из числа слуг. Наследника дома Солл. Того, чей герб был выгравирован на стене её комнаты. Того, чьи предки сожгли её дом.

— Как трогательно, — сказала Кира, и её голос дрожал от ярости, которую она не могла сдержать, не могла проглотить, не могла спрятать за маской Миры Тонн. — Ректор посылает наследника дома Огня присматривать за девушкой, которую он сам же зачислил на свой факультатив. Не кажется ли вам, студент Солл, что в этой истории слишком много совпадений и слишком мало честности?

Дариэн моргнув — один раз, медленно, — и в его глазах мелькнуло что-то, что Кира не смогла расшифровать. Не раздражение. Не обида. Что-то другое, что-то, похожее на усталость, на тяжесть, на то, что человек несёт слишком долго и слишком молча.

— Мне не кажется, — ответил он, и в его голосе впервые за весь разговор появилась трещина — тонкая, едва заметная, но настоящая. — Мне не кажется, студентка Тонн, потому что я не имею права думать о том, что мне кажется. Я выполняю приказ.

— Приказ, — повторила Кира, и слово это прозвучало в её устах как ругательство, как плевок, как проклятие. — Вы всегда выполняете приказы, наследник Солл? Даже те, которые требуют стоять в тени и смотреть в спину человеку, который вам ничего не сделал?

Дариэн не ответил. Не моргнул. Не отвёл взгляда. Но его правая рука, висевшая вдоль тела, чуть шевельнулась — пальцы согнулись, разогнулись, и Кира увидела, как на его запястье, под манжетой мантии, мелькнуло что-то тёмное, похожее на татуировку или шрам, но она не успела разглядеть, потому что Дариэн сделал шаг вперёд, сокращая расстояние между ними до минимума, и его голос упал до шёпота, тихого и опасного, как шипение пламени перед взрывом:

— Не советую тебе, студентка Тонн, задавать вопросы, на которые ты не готова услышать ответы. Ты не знаешь, что происходит в этой академии, не знаешь, кто стоит за распределением и наблюдением, и не знаешь, чем рискуешь, задавая вопросы вслух в коридоре, где каждый камень может быть ухом ректора.

Кира не отступила. Не опустила глаз. Не сжала губы. Она стояла в двух шагах от него, чувствовала жар его тела через ткань мантии, чувствовала запах дыма и смолы, который шёл от его кожи, как от всех студентов башни Огня, и чувствовала, как Пустота внутри неё поднимается, разворачивается, тянется к нему, как цветок тянется к солнцу, и ненавидела себя за эту тягу, за эту глупую, бессмысленную, невозможную реакцию на чужой Огонь.

— А я не советую вам, наследник Солл, стоять между мной и тем, что мне нужно, — ответила она, и её голос был тихим, ровным, ледяным, как поверхность замёрзшего озера, под которым течёт тёмная, глубокая вода. — Потому что я не остановлюсь. Не из-за вашего приказа, не из-за вашего ректора и не из-за вашего дома. Я найду то, что ищу, даже если для этого придётся пройти сквозь вас.

Дариэн усмехнулся — коротко, криво, без тени веселья, и эта усмешка была хуже любого оскорбления, потому что в ней не было презрения, а было что-то, похожее на грусть, на усталость, на понимание, которое он не хотел показывать.

— Ты не понимаешь, во что лезешь, — сказал он, и в его голосе не было угрозы, не было превосходства, только констатация, сухая и точная, как диагноз. — Печать Основания не то, что можно найти в каталоге и вынести из библиотеки под мышкой. Это не книга, не артефакт, не заклинание. Это то, что держит эту академию на краю пропасти, и если кто-то тронет её неосторожно, рухнет всё. Не только здание. Не только студенты. Всё.

Кира замерла. Печать Основания. Он произнёс это вслух. Он знал, что она ищет. Он знал, зачем она пришла в закрытое крыло, и не спросил, не удивился, не потребовал объяснений. Он просто сказал это, как говорят о погоде, как говорят о расписании лекций, и в его голосе было что-то, чего Кира не ожидала услышать. Страх. Не страх перед ней, не страх перед ректором, не страх перед наказанием. Страх перед тем, что он назвал Печатью Основания, страх глубокий, личный, выношенный, как шрам, который не заживает.

— Откуда вы знаете о Печати Основания? — спросила Кира, и её голос был тише, чем она хотела, тише, чем планировала, и в нём не было вызова, не было колючести, только вопрос, чистый и открытый, как рана, которую не успели перевязать.

Дариэн не ответил. Он смотрел на неё несколько секунд, и в его тёмных глазах Кира видела отражение лунного света из окна за её спиной, и это отражение дрожало, как пламя свечи на ветру. Потом он отвернулся, сделал шаг к двери закрытого крыла и положил ладонь на железную ручку, как будто собирался уйти, как будто разговор был окончен, как будто всё, что нужно было сказать, уже было сказано.

И тогда Кира потеряла контроль.

Это произошло не по её воле, не по решению, не по желанию. Пустота внутри неё, которая напрягалась весь вечер, которая сжималась при каждом слове Дариэна, которая тянулась к его Огню, как к запретному плоду, — просто вырвалась наружу, как вода вырывается из

треснувшей плотины, беззвучно, неудержимо, заполняя всё пространство между ними. Кира почувствовала, как холод разливается от её груди к кончикам пальцев, как воздух вокруг неё становится густым и тяжёлым, как свет в коридоре тускнеет, будто кто-то выкрутил его наполовину.

Дариэн среагировал мгновенно — инстинктивно, без раздумий, без колебаний. Его правая рука метнулась вперёд, пальцы раскрылись, и между его ладонью и Кирой вспыхнул огненный щит — полупрозрачный, багровый, с языками пламени, танцующими по поверхности, как живые существа. Это был рефлекс, отточенный годами тренировок, автоматическая реакция боевого мага на внезапную угрозу, и щит встал между ними, как стена, как барьер, как граница.

Пустота коснулась щита.

И поглотила его.

Не отразила, не разбила, не рассеяла. Поглотила. Огонь Дариэна — его Огонь, его магия, его сила, его наследие и его проклятие — потёк в Пустоту, как вода течёт в трещину в земле, беззвучно, неудержимо, и щит, который секунду назад горел ярким багровым светом, погас, растаял, исчез, оставив после себя только запах дыма и лёгкое покалывание в воздухе. Коридор погрузился в полумрак, и только лунный свет из окна освещал их фигуры, стоящие в двух шагах друг от друга, разделённые пустотой, где только что был огонь.

Кира стояла, тяжело дыша, с вытянутыми вперёд руками, с которых ещё стекали остатки чужого Огня, как вода стекает с пальцев после купания, и смотрела на Дариэна, ожидая страха, ожидая гнева, ожидая крика, обвинения, угрозы. Ожидая, что он отступит, что он повернётся и уйдёт, что он побежит к ректору и расскажет, что видел, и тогда всё закончится — академия, легенда, надежда на спасение Элизы. Всё закончится, и Кира будет стоять на площади перед толпой, и кто-то прочитает приговор, и последним, что она увидит, будет небо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.